

В. Е. Василенко

ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА ТРЁХ ЛЕТ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕБЁНКУ (КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)¹

Проблематика возрастных кризисов наиболее активно разрабатывается в отечественной психологической науке, особенно в русле культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Актуальным для психологии возрастных кризисов является вопрос о специфике кризисных проявлений в связи с особенностями семейной ситуации, детско-родительских отношений и стилей воспитания. Данная статья посвящена теме изучения кризисов детства с акцентом на кризисе трёх лет и обсуждению результатов проведённого эмпирического исследования, касающегося проявлений кризиса трёх лет в связи с особенностями родительского отношения к ребёнку.

Понятия «критический период», «критический возраст», «кризис» впервые появляются в работах П. П. Блонского и Л. С. Выготского. Так, П. П. Блонский выделяет литические и критические периоды развития [1], Л. С. Выготский строит свою периодизацию на основе принципа чередования стабильных и критических возрастов [2]. Развитие темы возрастных кризисов связано с именами Л. И. Божович, Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. Дальнейшую разработку психология возрастных кризисов получила в исследованиях М. И. Лисиной, С. Ю. Мещеряковой, А. Л. Венгера, М. Г. Елагиной, Т. В. Гуськовой, Б. Д. Эльконина, Г. А. Цукерман, К. Н. Поливановой, Е. Е. Сапоговой. В схему своей периодизации психического развития включают кризисы В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, выделяя два вида возрастных кризисов: кризис рождения и кризис развития [3].

Следует отметить, что долгое время не существовало общепринятого понимания возрастных кризисов. Так, неизбежность, нормативность возрастных кризисов признавалась П. П. Блонским [1], Л. С. Выготским [2], Л. И. Божович [4], Э. Эриксоном (хотя и в несколько другом толковании) [5]. По мнению других авторов (А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, Н. А. Менчинская), кризиса можно избежать, правильно подбирая педагогические воздействия на ребенка. К примеру, А. Н. Леонтьев связывает кризис с несвоевременностью перехода ребенка от предыдущего этапа развития к последующему. «Неизбежны не кризисы, а переломы, качественные сдвиги в развитии. Наоборот, кризис — это свидетельство несовершившегося своевременно перелома, сдвига. Кризисов вовсе может не быть, если психическое развитие ребенка складывается не стихийно, а является разумно управляемым процессом» [6, с. 508].

В работах Д. Б. Эльконина встречаются идеи, что появление возрастных кризисов связано с таким отношением взрослых к ребёнку, которое препятствует реализации им своих новых возможностей. Так, Д. Б. Эльконин полагает, что «общий

Василенко Виктория Евгеньевна — канд. психол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: vasilenko_v@list.ru

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ, проект №13-06-00480 «Семья как ресурс психического развития детей в стабильные и критические периоды онтогенеза».

© В. Е. Василенко, 2013

признак критического периода — нарастание трудностей общения взрослого с ребенком, которые являются симптомом того, что ребенок нуждается уже в новых отношениях с ним» [7, с. 43]. В связи с этим существует мнение, что Д. Б. Эльконин придерживался линии необязательности кризиса [8, с. 23]. В то же время иерархическое строение его периодизации развития [7, с. 76] и выделение соответственно «больших» кризисов, разделяющих эпохи развития («кризисы эмансипации»), и малых кризисов, разделяющих периоды внутри одной эпохи («кризисы дифференциации») [7, с. 498–500], с нашей точки зрения можно рассматривать как некоторые указания на нормативность кризисов. К. Н. Поливанова также отмечает, что «в работах Д. Б. Эльконина представление о критическом периоде в целом инкорпорирует линии, возникающие в работах Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева» [9, с. 34] и что по существу позиция Д. Б. Эльконина близка к позиции Л. С. Выготского.

Противоречия, обуславливающие развитие в критические периоды, можно отнести к двум группам: внешние (между ребёнком и его социальным окружением) и внутренние (между потребностями и возможностями ребенка, его реальным и идеальным Я). Т. В. Гуськова полагает, что критический возраст — это «период, движимый одновременно противоречиями и внешними, и внутренними... Совмещенный характер действующих противоречий придает развитию те типичные черты, которые характеризуют критический возраст в целом — неустойчивость психики, уязвимость, повышенную чувствительность и тревожность» [8, с. 129].

Пути выхода из кризиса видятся в переходе к новому типу ведущей деятельности (А. Н. Леонтьев), в предоставлении ребёнку возможности проявить свою самостоятельность (Д. Б. Эльконин), в учете новых потребностей ребёнка (Л. И. Божович, Т. В. Драгунова), в уважении личности ребенка (Н. А. Менчинская, М. И. Лисина), в ликвидации стрессовой для ребенка ситуации, приводящей к обострению его взаимоотношений с окружающими (С. Вульф, Г. Бронсон) [8].

Что касается кризисной феноменологии, то изначально более подробно была описана негативистская симптоматика кризиса трёх лет (Э. Кёллер, Ш. Бюлер, Л. С. Выготский) [2]. Основным поясом симптомов, называемый также «семизвездием» кризиса трёх лет, включает семь поведенческих реакций: негативизм, упрямство, строптивость, своеволие и своенравие, протест-бунт, симптом обесценивания и двойственный симптом «деспотизм-ревность».

Л. С. Выготский также выделяет второй пояс симптомов кризиса трёх лет — появление невротических реакций: энурез, ночные страхи, беспокойный сон, иногда резкие затруднения в речи, заикание, так называемые гипобулические припадки [2].

Далее появляются указания на новообразования кризиса трёх лет, которые можно отнести к конструктивной составляющей кризиса. Так, Л. И. Божович говорит о появлении системного образования, которое выражается в возникновении слова «Я», и рассматривает это как старт развития самосознания [4]. А. Н. Леонтьев связывает появление характерного «Я сам!» с ситуацией разделённости мотива (полноценное участие во взрослой жизни) и реализуемой цели (игровое действие). Он подчёркивает, что это «первая ступень к формированию личности» [цит. по: 9]. Д. Б. Эльконин определяет новообразования возраста трёх лет — личное действие и сознание «Я сам» [7].

Наиболее чётко вопрос о конструктивной составляющей кризиса был поставлен Т. В. Гуськовой и М. Г. Елагиной. Они предложили различать объективный кри-

зис (появление качественно нового в психической жизни ребенка) и субъективный кризис (общую картину поведенческих симптомов, его сопровождающую). Объективный кризис — обязательный и закономерный этап развития, характеризующийся позитивной симптоматикой, и он необязательно должен сопровождаться негативным поведением. Т. В. Гуськовой и М. Г. Елагиной также были сформулированы методологические принципы изучения кризисов: принцип сравнения поведения одного и того же ребенка в одинаковых ситуациях до кризиса (в стабильный период) и в момент кризиса; анализ привычных ситуаций действия [10]. В эмпирическом исследовании Т. В. Гуськовой отчетливо проявился своеобразный комплекс поведения детей, который был назван «гордостью за достижения». Дети стремились к достижению результата своей деятельности (изменение отношения к предметному миру), стремились продемонстрировать свои успехи взрослому (изменение отношения к взрослому), у них появилось обостренное чувство собственного достоинства (изменение отношения к себе). «Гордость за достижения» можно рассматривать как интегральное новообразование, связывающее в единый узел систему всех отношений развивающейся личности [8].

В дальнейшем К. Н. Поливановой разрабатывается концепция кризиса как акта развития. При этом К. Н. Поливанова опирается на контекст описания акта развития Б. Д. Элькониним — через посредство продуктивного действия, в котором «сделано больше, чем делалось, поскольку создан предмет, меняющий обстоятельства своего же построения» [11, с. 166]. К. Н. Поливанова рассматривает кризис как специфическое психологическое пространство, в котором совершается акт развития, так как субъект приобретает новое видение ситуации. Психологическое содержание кризиса — субъективация способностей, которые формируются в предшествующий стабильный период. Возрастной кризис характеризуется единством деструктивных и конструктивных компонентов. Действие ребёнка из результативного превращается в пробующее, проба — основной механизм кризиса. Поведенческие реакции, характерные для кризиса и называемые его симптомами, являются формой пробы [9]. В настоящее время концепция К. Н. Поливановой является наиболее полной концепцией возрастных кризисов, так как отвечает на вопросы и о содержании, и о структуре, и о механизмах кризиса.

Кризис трёх лет рассматривается К. Н. Поливановой, исходя из идеи «объективации-субъективации». Она связывает его с интенсивным развитием речи, с появлением символов «Я», «хочу — не хочу» и с потребностью ребёнка выяснить их значение. Оформленное в слове желание — нежелание становится предметом активного экспериментирования. В кризисе трех лет формируется «Я-действующий». Условием субъективации является действие вопреки привычной ситуации, своеобразное «не-действие» («не хочу»). К. Н. Поливановой описан феномен расщепления «Я» на «активно-протестующее» и «ласково-инфантильное», что позволяет ребёнку дифференцировать ситуации общения со взрослыми и справляться с эмоциональным напряжением. В целом кризис трех лет завершается с возникновением у ребенка полноценной игры.

На наш взгляд, важным и новым положением было объяснение К. Н. Поливановой психологического смысла всех категорий симптомов на примере кризиса семи лет. Так, смысл негативистских симптомов заключается в том, что в целостном отношении к близкому взрослому выделяется отношение к правилу. Была высказана

гипотеза, что негативизм по отношению к родителям может быть понят как особая форма построения нового поведения. Исследование подтвердило, что дети с выраженным негативистским поведением оказываются лучше готовыми к школе, чем их сверстники со «стертыми» симптомами кризиса [9]. Нами также было выявлено, что наступление кризиса семи лет связано с общими темпами психического развития ребёнка и более ярко кризис переживается на седьмом году жизни детьми с высоким уровнем готовности к школе, в то время как у детей с низким уровнем готовности кризисная симптоматика менее выражена [12].

Эти данные позволяют по-новому взглянуть на положение Т. В. Гуськовой и М. Г. Елагиной о необязательности негативистской симптоматики кризиса по сравнению с конструктивными личностными новообразованиями [10]. Действительно, и негативистские симптомы имеют своё значение в развитии ребёнка, вопрос только в степени их выраженности, в соотношении их с конструктивной симптоматикой и в тех конкретных формах поведения, которые они могут принимать.

Здесь закономерно встаёт вопрос о критериях благополучного протекания кризиса. В качестве таких критериев можно выделить: выраженность конструктивной составляющей кризиса; его своевременное разрешение; концентрацию негативистских симптомов в пределах той ситуации и микрогруппы, где они возникли; отсутствие невротических реакций; отсутствие характера патологического стереотипа в реакциях; нормальную социальную адаптацию ребёнка [13].

Таким образом, на современном этапе развития психологии возрастных кризисов в отечественной науке эти периоды рассматриваются как нормативные, имеющие значение «акта развития». Выявлены основные новообразования кризисов, показано, что разные категории основных симптомов имеют свой психологический смысл.

Следует отметить, что в европейской и американской науке, несмотря на описание кризисной феноменологии ещё в работах Э. Кёллер и Ш. Бюлер, термин «кризис развития» («возрастной кризис») не приобрел большой популярности. Наиболее известно его использование в эпигенетической концепции Э. Эриксона [5], но термин «кризис» (или «конфликт развития») здесь имеет иное значение, чем в культурно-исторической теории. Как отмечает К. Н. Поливанова, «кризисы» по Э. Эриксону скорее можно назвать сенситивными периодами, то есть периодами повышенной чувствительности к определённого рода воздействиям, что на языке Л. С. Выготского соответствует стабильному периоду развития [9].

Анализ зарубежных работ, проведённый Т. М. Марютиной [14] и Т. В. Гуськовой [8], показывает, что такие понятия, как «critical periods», «critical points», используемые в работах зарубежных авторов (Г. Бронсон, А. Кларк, Дж. Скотт и др.) близки к понятию «сенситивный» либо имеют такой смысловой оттенок, как «пластичный», «оптимальный», «ранимый». При этом некоторые зарубежные авторы говорят о проявлениях в определённые периоды онтогенеза у детей упрямства, негативизма, непослушания взрослым, объясняя их внешними причинами [15]. В онтогенезе выделяются периоды, в которых ребёнок оказывается наиболее чувствительным к неблагоприятным внешним воздействиям [16]. При этом данные периоды имеют другие возрастные границы, чем это принято в отечественных периодизациях. Так, по мнению Б. Л. Уайта [17] и С. Вольф [18], они отмечаются в 2 года и в 5 лет.

В дальнейшем зарубежными авторами в русле «модели перехода» активно разрабатываются такие направления как «жизненные задачи» (life tasks) [19], «задачи

развития» (developmental tasks) [20] с акцентом на более поздних периодах онтогенеза по сравнению с детством. Анализ современных публикаций подтверждает эти тенденции. Зарубежные исследователи предпочитают в настоящее время модель перехода, при этом «переходный период» не всегда связывается с хронологическим возрастом, а термин «кризис» обычно используется в смысле «конфликт развития», «сенситивный период» или «криз» [21].

Несмотря на неоднозначность трактовки самого понятия «кризис развития» в мировой науке и разные представления о его нормативности, в большинстве концепций подчёркивается роль семьи для психического развития ребёнка в этот период. В большинстве зарубежных концепций, а также у некоторых отечественных авторов роль семейных взаимоотношений в возникновении и протекании кризиса у ребёнка является основополагающей. В рамках культурно-исторической концепции кризис имеет и внутренние механизмы возникновения. Тем не менее, проблема влияния семейного воспитания на протекание кризиса у ребёнка остаётся актуальной. Возрастной кризис связан с кризисом системы отношений. Родителям необходимо перестроиться в связи с новым поведением ребёнка, изменить свои воспитательные воздействия. Эти вопросы поднимаются в работах Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, К. Н. Поливановой. Для взрослого критический период развития ребёнка оказывается кризисом собственной системы воспитания, отмечает К. Н. Поливанова. При этом такие полярные стратегии реакции родителей на требования большей свободы со стороны ребенка, как запрет и попустительство, оказываются неадекватными задачам развития ребенка в период кризиса. Эти стратегии «не выполняют основного своего назначения — превратить действия ребенка в пробу, дать ему почувствовать все стороны и последствия нового поведения. Развивающим ребенка ответом взрослого становится такой, который превращает действие из результативного в пробуемое» [9, с. 170].

Мы также полагаем, что в кризисные периоды вся семейная система испытывает напряжённость, при этом именно нахождение новых воспитательных воздействий, оптимизация детско-родительских отношений способны стать залогом благополучного разрешения возрастного кризиса. Возрастной кризис — это период, когда ребёнку открывается новое представление о взрослости, когда ему важно выйти на новую ступень развития, проявив свою самостоятельность. С этих позиций такие современные тенденции, как увеличение разводов, стремление родителей к гиперопеке и гиперсоциализации не могут не сказаться на прохождении ребёнком возрастного кризиса. Однако, как показывает наш анализ, эмпирических исследований протекания кризиса у детей в связи с особенностями семейного воспитания явно недостаточно.

Так, в мировой науке активно изучаются характеристики семейного взаимодействия: детско-родительские отношения, стили воспитания и их влияние на психическое развитие ребенка. При этом большинство зарубежных авторов опираются на динамическую двухфакторную модель Е. С. Шеффер, Р. А. Белл и модель Д. Баумринд [21]. В отечественной психологии проблема детско-родительских отношений активно разрабатывалась в рамках клинического подхода (В. И. Гарбузов, А. И. Захаров, Д. Н. Исаев, А. Е. Личко, Э. Г. Эйдемиллер и др.). А. Я. Варга рассматривает родительское отношение как целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенно-

стей восприятия и понимания характера ребенка, его поступков [22]. Многие исследования посвящены стилевым особенностям воспитания, их влиянию на развитие ребёнка, повышению психологической компетентности родителей [23, 24]. Но, как отмечают Е. О. Смирнова и М. В. Соколова, лишь немногие исследователи (О. А. Карabanова, И. С. Кон, Г. Г. Филиппова) говорят о возрасте ребёнка как об одном из основных факторов, влияющих на изменения родительского отношения [25]. При системном подходе (В. Сатир, С. В. Минухин, А. В. Черников, А. Я. Варга и др.) акцент делается на изучении нормативных кризисов в развитии семейной системы. Е. О. Смирновой и М. В. Соколовой предложен новый подход к изучению структуры родительского отношения с выделением его предметного и личностного начал, с учётом возраста ребёнка. В этой связи авторы указывают на необходимость изучения в том числе и критических периодов онтогенеза, однако их эмпирические исследования сконцентрированы в основном на стабильных периодах [25].

Из современных работ хотелось бы также упомянуть исследование А. А. Шавыриной, где было выявлено, что проявления негативизма и упрямства у детей 5–6 лет взаимосвязаны с непоследовательностью семейного воспитания, с неудовлетворённостью родителя взаимоотношениями с ребёнком, высоким уровнем конфронтации в семье, отвержением ребёнка и тревожностью родителя за ребёнка [26]. При этом А. А. Шавырина не ставит целью изучение негативизма и упрямства как симптомов кризиса, её больше интересуют эти проявления за пределами кризисов.

Мы же ставим задачу изучения возрастных кризисов и нами начат цикл исследований на тему взаимосвязи кризисных проявлений с особенностями семьи и семейного воспитания. В данной статье акцент будет сделан на взаимосвязях кризисной симптоматики с показателями родительского отношения на примере кризиса трёх лет.

В 2009–2010 гг. нами совместно с Ван Юйцзин было проведено исследование, **целью** которого было выявление взаимосвязей между симптомами кризиса трёх лет, эмоциональными проявлениями детей и характеристиками родительского отношения к ребёнку с учётом кросскультурных различий. Оно проводилось в трех микровозрастных группах: от 2 лет 4 мес. до 2 лет 10 мес. (21 человек); от 2 лет 10 мес. до 3 лет 6 мес. (23 человека) и от 3 лет 6 мес. до 4 лет (22 человека). В исследовании приняли участие 66 родителей: 33 матери из Санкт-Петербурга и 33 матери из г. Чэн Ду (из них 38 матерей мальчиков и 28 — девочек). Основной **гипотезой исследования** было то, что из проявлений кризиса с показателями родительского отношения в большей степени взаимосвязаны негативистские и невротические симптомы.

Для изучения кризисных проявлений использовались опросник выраженности симптомов кризиса трёх лет для родителей (В. Е. Василенко) [27] и шкала эмоциональных проявлений ребёнка (И. Шванцара) [28]. Для выявления характеристик родительского отношения к ребёнку использовался опросник родительского отношения Варги-Столина (ОРО) [22] в авторской модификации, включающей шкалу социальной желательности ответов. Разработанный нами опросник направлен на выявление трёх категорий симптомов: негативистских (известное «семизвездье»), конструктивных (изменение отношения к предметному миру, изменение отношения ко взрослым и изменение отношения к себе) и невротических реакций (беспокойный сон, страхи; признаки психического напряжения; затруднения в речи; эмоциональная возбудимость; соматические реакции; психосоматические реакции). Наря-

ду с показателями выраженности 16-ти отдельных симптомов кризиса (в баллах от 0 до 6) подсчитываются общие показатели по трём категориям и общий показатель выраженности кризиса (в %). Математическая обработка данных включала дисперсионный анализ (MANOVA) по факторам возраста, пола и страны (Россия, Китай), корреляционный анализ по Спирмену.

Проведенное исследование выявило, что кризис наиболее ярко выражен у детей в возрасте от 2 лет 10 мес. до 3 лет 6 мес., особенно по сравнению с младшей группой. По всей выборке выявлено влияние фактора возраста на показатели симптома обесценивания и изменения отношения к предметному миру ($p < 0,05$). Чаще всего во всех микровозрастных группах проявлялись упрямство и своеволие. Значимых различий в особенностях родительского отношения в микровозрастных группах не выявлено.

Основные кросскультурные различия в кризисной симптоматике связаны с большей выраженностью невротических реакций у китайских детей: общий показатель, соматические реакции ($p < 0,001$), нарушения сна, затруднения в речи, эмоциональная возбудимость и психосоматические реакции ($p < 0,01$). Из негативистских симптомов у российских детей чаще встречаются симптом обесценивания ($p < 0,001$) и строптивость ($p < 0,01$), а у китайских детей — негативизм ($p < 0,001$). В конструктивной симптоматике значимых различий не выявлено. Российские матери выше оценивают плаксивость ($p < 0,001$), возбуждаемость и обидчивость ($p < 0,05$), китайские — ласковость ($p < 0,001$), боязливость, нетерпеливость и проявления ревности ($p < 0,01$). У российских матерей отмечается более высокий уровень принятия ребенка, меньший контроль ($p < 0,001$) и меньшая установка на инфантилизацию ($p < 0,05$).

Дисперсионный анализ не выявил влияния фактора пола (по всей выборке) на симптомы кризиса за исключением психосоматических реакций, которые чаще встречаются у мальчиков ($p < 0,05$). Различие по невротическим реакциям в целом проявилось на китайской выборке: у мальчиков они выражены больше ($p < 0,05$). Матери из Китая выше оценивают проявления ревности у девочек ($p < 0,01$). В плане родительского отношения значимых различий в связи с полом ребёнка не выявлено.

Корреляционный анализ был проведён отдельно на российской и китайской выборках, а также на выборках мальчиков и девочек. Системообразующими в структуре взаимосвязей симптомов кризиса оказались показатели своеволия, деспотизма-ревности и изменения отношения к себе (реакции, связанные с обострённым чувством собственного достоинства). Появление этих форм поведения можно считать более надёжными критериями наступления кризиса и у мальчиков, и у девочек. У мальчиков к маркерам кризиса можно отнести также невротические реакции (нарушения сна, соматические реакции), а у девочек — изменение отношения к предметному миру, то есть появление настойчивости, мотивации достижения. В кросскультурном аспекте у российских детей в качестве наиболее ярких маркеров кризиса можно рассматривать упрямство, своеволие и изменение отношения к себе, а у китайских детей — своеволие, протест-бунт и деспотизм-ревность.

Выявлено, что негативистские симптомы образуют единый симптомокомплекс, так же, как и невротические реакции. Обнаружены взаимосвязи между конструктивными и негативистскими симптомами. Так, и у мальчиков, и у девочек при изменении отношения к себе более выражены своеволие, деспотизм-ревность

($p < 0,01$) и упрямство ($p < 0,05$), у девочек также протест-бунт ($p < 0,01$) и негативизм ($p < 0,05$). Изменение отношения ко взрослому у мальчиков положительно коррелирует с проявлениями деспотизма и ревности ($p < 0,05$). Чем более выражены изменения в отношении к предметному миру у девочек, тем чаще у них встречаются проявления строптивости, своеволия, протеста-бунта ($p < 0,01$), деспотизма и ревности ($p < 0,05$). Это подтверждает идею единства конструктивной и деструктивной составляющей кризиса.

Невротические реакции у мальчиков больше взаимосвязаны с негативистскими симптомами, а у девочек — с конструктивными. При этом у мальчиков выявлены как положительные, так и отрицательные взаимосвязи невротических реакций с негативистскими симптомами — активные негативистские формы поведения могут давать определенную разрядку психического напряжения. У девочек изменение отношения к предметному миру связано с меньшим проявлением невротических реакций, а изменения отношения к себе и ко взрослому, наоборот, с большим. Корреляционный анализ, проведённый отдельно на российской и китайской выборках, показал, что в целом невротические реакции в большей степени взаимосвязаны с негативистскими симптомами, чем с конструктивными. У детей из Китая выявлены отрицательная взаимосвязь между негативизмом и признаками психического напряжения ($p < 0,01$), положительные взаимосвязи между конструктивными и невротическими реакциями. Это согласуется с предыдущими данными. Таким образом, активным негативистским реакциям в период кризиса не обязательно сопутствуют невротические проявления, что подтверждает отнесенность невротических реакций к группе дополнительных симптомов.

У матерей из Китая оценка эмоциональных проявлений детей более дифференцирована. Интересно, что в центре структуры негативных эмоциональных проявлений у российских детей находятся капризность, упрямство и агрессивность, а у китайских — самомнение. Возможно, это связано с культурными, национальными особенностями: именно эти черты не приветствуются на уровне архетипического сознания.

Перейдём к взаимосвязям показателей симптомов кризиса и родительских отношений. Их структура более интегрирована у мальчиков, в её центре находится установка на инфантилизацию ребенка. Чем более она выражена, тем выше показатели нарушений сна, соматических и психосоматических реакций ($p < 0,01$), затруднений в речи, общий показатель невротических реакций и тем менее выражены изменения в отношении к предметному миру ($p < 0,05$). Чем выше принятие ребенка, тем менее выражены негативизм ($p < 0,05$), нарушения сна ($p < 0,01$), психосоматические реакции и невротические реакции в целом ($p < 0,05$), но тем чаще встречается деспотизм-ревность ($p < 0,05$). Неоднозначны взаимосвязи родительского контроля с симптомами кризиса. Так, высокий контроль связан с изменением отношения ко взрослому, со стремлением получить их одобрение ($p < 0,01$), что в целом можно отнести к конструктивной составляющей. В то же время чем выше контроль, тем выше общая невротизация ребенка ($p < 0,05$). Чем больше родители нацелены на сотрудничество с ребенком, тем меньше у него психическое напряжение ($p < 0,05$).

У девочек наибольшее количество взаимосвязей выявлено у показателя принятия-отвержения. Чем выше принятие ребенка, тем менее выражены негативизм ($p < 0,01$), упрямство ($p < 0,05$), эмоциональная возбудимость, соматические и пси-

хосоматические реакции и общий показатель невротических реакций ($p < 0,01$). Высокий контроль у девочек положительно коррелирует с показателями негативизма, затруднений в речи, соматических реакций и с общим показателем невротических реакций ($p < 0,01$). Таким образом, у девочек эмоциональное отвержение и контроль со стороны родителей взаимосвязаны с невротическими реакциями и проявлениями негативизма.

Специфика взаимосвязей в кросскультурном аспекте заключалась в том, что на китайской выборке отвержение и установка на инфантилизацию кроме невротических реакций взаимосвязаны также с негативистскими симптомами. Так, чем выше принятие ребёнка, тем меньше выражен негативизм в поведении ($p < 0,01$). Чем больше установка на инфантилизацию ребёнка, тем более выражены строптивость ($p < 0,01$) и протест-бунт ($p < 0,05$). Оценка негативных эмоциональных проявлений детей выше при установке на инфантилизацию ребёнка и более низком контроле, особенно на российской выборке.

Таким образом, гипотеза исследования в целом подтвердилась. Чем выше эмоциональное принятие ребенка, тем меньше выражены в его поведении негативизм и невротические реакции. Высокий контроль может привести к невротизации детей, но в то же время он связан с изменением отношения к взрослым, что относится к «гордости за достижения». Можно говорить о негативных последствиях установки на инфантилизацию для мальчиков: чем она выше, тем более выражены невротические реакции и тем медленнее у ребенка изменяется отношение к предметному миру, то есть тем меньше выражена конструктивная составляющая кризиса. У китайских детей отвержение и установка на инфантилизацию кроме невротических реакций взаимосвязаны также с негативистскими симптомами.

Значение негативистских симптомов сложно трактовать однозначно. С одной стороны, они связаны с невротическими реакциями и с менее конструктивными показателями родительских отношений. С другой стороны, они взаимосвязаны и с конструктивной составляющей кризиса, которая в свою очередь также может быть взаимосвязана с невротическими реакциями. Это показывает, что развитие в период кризиса идёт одновременно по разным линиям и сочетает в себе противоречивые тенденции.

Полученные данные могут быть использованы для оптимизации детско-родительских отношений в период кризиса. В дальнейшем нами планируется цикл исследований детских кризисов с изучением более широкого спектра семейных факторов (включая разнообразные характеристики семейного взаимодействия и более подробный анализ структуры семьи).

Литература

1. Блонский П. П. Возрастная педология. М.: Работник просвещения, 1930. 212 с.
2. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т.; под ред. А. В. Запорожца. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.
3. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие для вузов. М.: Школьная пресса, 2000. 421 с.
4. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.
5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. Московского университета, 1972. 576 с.
7. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

8. Гуськова Т. В. Психологический анализ кризиса трёх лет: дис. ... канд. психол. наук. М., 1988. 167 с.
9. Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. 184 с.
10. Гуськова Т. В., Елагина М. Г. Личностные образования у детей в период кризиса трех лет // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 78–85.
11. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.
12. Василенко В. Е. К проблеме исследования возрастного кризиса детей с разным уровнем школьной готовности // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2008. Вып. 4. С. 55–64.
13. Василенко В. Е. Возрастные кризисы детства и отрочества: дискуссионные проблемы // Психология человека в современном мире. 2009. Т. 3. С. 27–35.
14. Марютина Т. М. Об использовании понятий «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 1. С. 145–153.
15. Meier H. W. Three theories of child development. N. Y.: Harper & Row, 1965. 314 p.
16. Hersov L. A., Berger M. (Ed.) Aggression & anti-social behavior in childhood & adolescence. Oxford: Pergamon Press, 1978. 171 p.
17. Уайт Б. Первые три года жизни. М.: Педагогика, 1982. 176 с.
18. Wolff S. Children under stress. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. 284 p.
19. Zirckel S., Cantor N. Personal construal of life tasks: those who struggle for independence // Journal of personality and social psychology. 1990. Vol. 58. P. 172–185.
20. Хейманс П. Г. Концептуализация и операционализация задач развития // Процессы психического развития: в поисках новых подходов; под ред. А. И. Подольского, Я. тер Лаака, П. Г. Хейманса. М.: Наука, 1995. С. 8–18.
21. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
22. Шапарь В. Б. Практическая психология. Психодиагностика отношений между родителями и детьми. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 432 с.
23. Эйдемиллер Э. Г. Методы семейной диагностики и психотерапии. М.: Фолиум, 1996. 238 с.
24. Марковская И. М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь, 2005. 150 с.
25. Смирнова Е. О., Соколова М. В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребёнка // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 57–68.
26. Шавырина А. А. Влияние детско-родительских отношений на проявление негативизма и упрямства у детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 24 с.
27. Василенко В. Е., Манукян В. Р. Возрастные кризисы жизненного цикла: Практикум. СПб.: СПбГУ, 2011. 96 с.
28. Практикум по возрастной психологии / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 694 с.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2013 г.